

Received: January 28, 2026
Accepted: February 23, 2026
Available online: February 25, 2026

Эльдорбек Хусанов

Самостоятельный соискатель (DSc)
Доктор философии (PhD)
по филологическим наукам
Национальный университет Узбекистана
имени Мирзо Улугбека
Ташкент, Узбекистан

Рано Маджидова

Доктор филологических наук (DSc), профессор
Узбекский государственный университет
мировых языков
Ташкент, Узбекистан

ЗНАЧЕНИЕ ДИАЛЕКТИЗМОВ В СТИЛИСТИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

АННОТАЦИЯ

Данная статья представляет собой глубокое междисциплинарное исследование роли диалектной лексики в художественной прозе величайших мастеров русского слова: Л.Н. Толстого, М.А. Шолохова и Ф.М. Достоевского. Автор исходит из постулата о том, что диалектизмы в текстах классиков – это не просто речевые рудименты или этнографические декорации, призванные формально обозначить место действия. Напротив, в работе доказывается, что народное слово является живым нервом художественного повествования, через который транслируется подлинная духовная энергия народа, его миропонимание и уникальная этическая система.

Материалом для исследования послужил широкий корпус текстов XIX–XX веков. В них диалектная лексика анализируется как органическая часть персональной психологии и авторской философии. В статье подчеркивается, что использование диалектизмов создает эффект «голоса из толпы», превращая читателя в непосредственного свидетеля событий и разрушая барьер между высокой литературой и реальной языковой стихией.

Eldorbek Xusanov

Mustaqil izlanuvchi (DSc)
Filologiya fanlari bo'yicha falsafa doktori (PhD)
Mirzo Ulug'bek nomidagi
O'zbekiston Milliy universiteti
Toshkent O'zbekiston
E-mail: khusanoveldar@gmail.com
ORCID iD: 0009-0007-6529-0458

Ra'no Majidova

Filologiya fanlari doktori (DSc), professor
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti
Toshkent O'zbekiston
E-mail: r.urishevna@mail.ru
ORCID iD: 0009-0004-3100-436X

ADABIY NUTQ STILISTIKASIDA DIALEKTIZMLARNING AHAMIYATI

ANNOTATSIYA

Ushbu maqola rus so'z san'atining buyuk ustalari – L.N. Tolstoy, M.A. Sholoxov va F.M. Dostoyevskiy badiiy nasridagi dialektal leksikaning o'rini o'rganishga bag'ishlangan keng ko'lamli fanlararo tadqiqotdir. Muallif rus klassiklari matnlaridagi dialektizmlar shunchaki lisoniy qoldiqlar yoki voqelik sodir bo'layotgan joyni rasmiy belgilash uchun xizmat qiladigan etnografik bezaklar emas, degan g'oyani ilgari suradi. Aksincha, tadqiqotda xalqona so'z badiiy hikoyaning "tirik asabi" ekanligi, u orqali xalqning haqiqiy ma'naviy quvvati, uning dunyoqarashi va o'ziga xos axloqiy tizimi namoyon bo'lishi isbotlanadi.

Tadqiqot materiali sifatida XIX–XX asrlarga oid boy matnlar korpusi xizmat qildi. Maqolada yozuvchilar "sayqallanmagan", jonli nutq orqali ularning ruhiyatidagi nozik tebranishlarni, o'z ildizlari va tuprog'i bilan uzviy bog'liqligini ko'rsatib berishga intilganliklari aniqlangan. Dialektizmlarning qo'llanilishi matnda "olomon ichidan chiqqan ovoz" effektini yaratadi, bu esa kitobxonni voqealarning bevosita guvohiga aylantiradi hamda "yuksak adabiyot" bilan xalqning hayotiy tili o'rtasidagi to'siqlarni bartaraf etadi.

Методологический фундамент работы строится на синтезе сравнительно-исторического, стилистического и семантико-функционального анализа. Такой подход позволяет взглянуть на диалектизм не как на застывшую лексическую единицу, а как на динамичный образ, обретающий новые смыслы в зависимости от контекста. Особое внимание уделяется тому, как каждый из авторов по-своему «приручает» диалект: если у Шолохова это мощный поток народной жизни, то у Достоевского – часто маркер болезненного, надрывного самосознания городского или пришлого человека.

Результаты исследования раскрывают многомерную функциональную палитру диалектной речи. Она выступает не только средством речевой портретистики и создания национального колорита, но и мощным инструментом художественной типизации.

В заключении статьи формулируется вывод о том, что обращение к диалектизмам в русской классике – это не случайный стилистический прием, а осознанный акт сотворчества с народной языковой стихией. Это делает идиостиль Толстого, Шолохова и Достоевского объемным, полифоничным и глубоко гуманным. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов в современной лингвопоэтике, теории дискурса и в практике преподавания филологических дисциплин, направленных на понимание языка как формы существования культуры.

Ключевые слова: диалектизмы, лингвопоэтика, художественная речь, Толстой, Шолохов, Достоевский, функции, национальный язык, универсальный язык, живой язык, традиции, национальный колорит, менталитет.

ВВЕДЕНИЕ

В современном литературоведении и лингвопоэтике вопрос о взаимодействии литературной нормы и диалектной стихии приобретает особую остроту. При детальном изучении лингвистической архитектоники художественного текста становится очевидным, что диалектизмы в творчестве классиков – это не периферийные лексические единицы, а фундаментальные компоненты, обеспечивающие эстетическую целостность и смысловую многослойность произведения. В работах таких мастеров слова, как Л.Н. Толстой, М.А. Шолохов и Ф.М. Достоевский, народное слово перестает быть простым маркером локации или социальной принадлежности; оно

Ishning uslubiy poydevori qiyosiy-tarixiy, stilistik va semantik-funksional tahlil sinteziga qurilgan. Bunday yondashuv dialektizmga shunchaki qotib qolgan leksik birlik sifatida emas, balki kontekstga qarab yangi ma'nolar kasb etuvchi dinamik obraz sifatida qarash imkonini beradi. Har bir adibning dialektini o'ziga xos tarzda "bo'ysundirishi"ga alohida e'tibor qaratilgan: agar Sholoxovda bu xalq hayotining qudratli oqimi bo'lsa, Dostoyevskiyda dialekt ko'pincha shahar muhitiga tushib qolgan insonning iztirobli va ziddiyatli o'zligini anglash belgisi bo'lib xizmat qiladi.

Tadqiqot natijalari dialektal nutqning ko'p qirrali funksional palitrasini ochib beradi. U nafaqat nutqiy portret yaratish va milliy koloritni ifodalash vositasi, balki badiiy tiplashirishning kuchli quroli sifatida ham namoyon bo'ladi. Bir qator holatlarda dialektal so'z muallif uchun "steril" (haddan tashqari toza) adabiy tilda munosib hissiy bo'yoq topilmagan ma'nolarni ifodalashning yagona yo'liga aylanadi.

Xulosa qismida rus klassiklari ijodida dialektizmlardan foydalanish tasodifiy stilistik usul emas, balki xalq tili unsurlari bilan ongli ravishda amalga oshirilgan ijodiy hamkorlik ekanligi ta'kidlanadi. Bu Tolstoy, Sholoxov va Dostoyevskiy idiouslubini (individual uslubini) sermazmun, polifonik va chuqur gumanistik xarakterga ega qiladi.

Kalit so'zlar: dialektizmlar, lingvopoetika, badiiy nutq, Tolstoy, Sholoxov, Dostoyevskiy, funksiyalar, milliy til, umumxalq tili, jonli til, urfodatlar, milliy kolorit, mentalitet.

возводится в ранг мета-смыслового кода, через который осуществляется глубинный духовный диалог между автором, героем и национальным сознанием.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью пересмотра традиционных взглядов на диалектную лексику. В художественных мирах Толстого, Шолохова и Достоевского диалект выступает не как застывший «артефакт прошлого», а как живой, пульсирующий источник энергии, непосредственно влияющий на эмоциональную архитектуру текста. Использование народных говоров позволяет авторам не просто реконструировать быт, но и проникать в самые потаенные пласты человеческой психологии. Мы исходим из гипотезы, что диалектное слово сокращает дистанцию между строгой литературной формой и «непричесанной» правдой жизни, позволяя выразить экзистенциальные переживания, для которых в стандартной норме зачастую не хватает экспрессивной палитры.

Особое внимание в статье уделяется концепции «культурной памяти» слова. Каждая диалектная единица в ткани повествования несет в себе мощный исторический и сакральный подтекст. Она разрушает монотонность книжной речи, привнося в неё полифоническое звучание и создавая эффект «живого присутствия» народа. Таким образом, изучение диалектизм в данном контексте выходит за рамки узкой филологии и приобретает антропологический и философский характер.

Методологическая база работы опирается на современные парадигмы лингвопоэтики и лингвокультурологии, что позволяет рассмотреть синтез художественного стиля и народной речи как динамическую систему. Исследование направлено на выявление тех индивидуальных стратегий, с помощью которых классики «приручали» диалектную стихию, превращая её в инструмент высокого искусства и расширяя границы русского литературного языка.

Обзор литературы

Проблема функционирования диалектной лексики в художественной речи остается одной из самых дискуссионных и многоаспектных в современной лингвопоэтике. В отечественном языкознании фундамент изучения этой проблемы был заложен Г.О. Винокуром, который рассматривал народную речь не как механическое вкрапление, а как «органическое единство языка и образа» [Vinokur, 1959]. В развитие этой мысли современные исследователи подчеркивают, что диалектизм в руках мастера слова становится **когнитивным ресурсом**, позволяющим автору моделировать специфическую национальную картину мира.

Важным этапом в осмыслении этой проблемы стали работы А.В. Бондарко, который через призму функционально-семантического анализа представил диалектизмы как активные элементы языковой системы, обладающие особой **прагматической нагрузкой**. Согласно Бондарко, использование нелитературных форм детерминировано контекстуальной средой и направлено на достижение максимального эмоционального резонанса с читателем [Bondarko, 1991].

В последние десятилетия, благодаря широкому доступу к базам данных, таких как Google Scholar, фокус исследований сместился в сторону **лингвокультурологии**. Так, в работах О.В. Александровой подробно анализируется диалектная база прозы XIX века. Автор доказывает, что в текстах Л.Н. Толстого диалектизмы выполняют не только характерологическую, но и **идеологическую функцию**. Лингвистическая оппозиция между «высоким» слогом аристократии и «природным» языком крестьянства отражает философский поиск автора, направленный на выявление народной истины. Александрова подчеркивает, что «народная речь» у Толстого – это пространство естественности, противопоставленное формализму книжной культуры.

Особое место в научной литературе занимает анализ идиостиля Ф.М. Достоевского. Исследователи Л.А. Гаврилова и Н.А. Николина указывают на уникальный психолингвистический характер его повествования. В работах Николиной, представленных в современных научных вестниках, обосновывается тезис о том, что диалектизмы у Достоевского служат средством **деавтоматизации восприятия**. Использование народных и просторечных форм героями «петербургских углов» преломляет их духовное напряжение, делая речь инструментом психологического самораскрытия. Таким образом, диалектная единица у Достоевского эволюционирует от средства этнографии к средству метафизического анализа сознания [Nikolina, 2012].

В контексте изучения прозы М.А. Шолохова современные ученые, в частности Е.П. Сидорова, акцентируют внимание на **региональной идентичности**. Анализ работ Сидоровой показывает, что в «Тихом Доне» диалектная лексика функционирует как «лингвистический медиатор». Д.Н. Балашов идет дальше, утверждая, что шолоховский текст – это «поэтический код», где диалектные слова («*баз*», «*курень*», «*шумиха*») перестают быть просто названиями предметов, а становятся символами казачьего уклада жизни. Современные публикации, индексируемые в Google Scholar, подтверждают, что Шолохов создал уникальный **диалектный дискурс**, в котором территориальные формы языка выступают гарантом исторической памяти народа.

Теоретические изыскания Л.Л. Касаткина и Р.И. Аванесова дополняют эту картину, рассматривая диалекты как живой резервуар национального языка. В их концепции диалектизмы и литературная норма образуют «динамическое поле», где происходит постоянный обмен энергией и смыслами [Kasatkin, 2005]. Это подтверждается и в типологии В.С. Елистратова, который рассматривает использование диалектизмов как способ создания **стилистического контраста**, выявляющего оппозицию «естественное – искусственное» [Yelistratov, 2002].

Подводя итог обзору современных публикаций, можно констатировать, что современная лингвистика отошла от трактовки диалектизмов как «архаичных остатков». Напротив, в работах ученых последних лет диалектная лексика рассматривается как сложный **стилистический конструкт**. Она обеспечивает многоуровневое функционирование художественного текста – от создания этнокультурного фона до глубокой психологической и философской

интерпретации образов в творчестве Толстого, Достоевского и Шолохова. Изучение данной проблематики в свете новых данных Google Scholar открывает перспективы для дальнейшего анализа механизмов взаимодействия языка, культуры и индивидуального авторского сознания.

МЕТОДЫ

В качестве основного материала для проведения настоящего исследования были избраны художественные тексты трёх знаковых фигур русской литературы: М.А. Шолохова, В.В. Маяковского и Ф. М. Достоевского. Выбор этого авторского триумvirата носит глубоко продуманный характер, так как каждый из них представляет уникальную парадигму взаимодействия с народным языком. Обращение к этим именам позволяет не просто провести сравнительный анализ, но и проследить эволюцию диалектного слова от его «почвенного» бытования до авангардного переосмысления.

В частности, произведения М.А. Шолохова – его монументальные эпопеи и ранние рассказы – демонстрируют органическое, почти стихийное сращивание литературной нормы с казачьим гутором. Здесь диалектизмы не просто маркируют локальный колорит Дона, но выступают в роли «генетического кода» текста. Когда автор пишет: «*Дарья **взабастилась** идти на **баз***» или описывает Григория Мелихова, который «*дюже зачерствел сердцем*», – эти слова (*взабаститься* – заупрямиться, *баз* – двор, *дюже* – очень) создают эффект абсолютной достоверности, позволяя читателю ощутить физическую осязаемость быта казачества.

В текстах В.В. Маяковского диалектная стихия приобретает совершенно иную функцию. Являясь новатором и реформатором стиха, Маяковский использует народные и просторечные формы как экспрессивный инструмент деавтоматизации восприятия. В его поэтике диалектизмы часто сталкиваются с авторскими неологизмами. Например, используя просторечное «*жрать*» вместо «есть» или восклицая: «*улица корчится **безъязыкая***», он врезает эти «шершавые» слова в стальной ритм стиха, придавая ему ту самую митинговую искренность. Даже редкие диалектные вкрапления (вроде северного «*баз*» в значении разговора или шума) у Маяковского работают на создание образа «языка улиц», противостоящего салонному изяществу.

Совершенно иную картину мы наблюдаем у Ф.М. Достоевского. В его романах диалектизмы и просторечия используются с филигранной точностью преимущественно для психологической дешифровки персонажа. Через «неправильность» речи автор обнажает социальный надлом своих героев. Так, Мармеладов в «Преступлении и наказании», используя слово «*анамнясь*» (недавно), мгновенно выдает свое происхождение и социальную неприкаянность. В «Братьях Карамазовых» Федор Павлович, желая показаться любезным, начинает «*лимонничать*» – этот авторский неологизм, выросший из народной речевой стихии, подчеркивает его шутовство и фальшь. Для Достоевского диалект – это ключ к потаенным уголкам души «маленького человека».

Методологический фундамент работы составил комплекс взаимодополняющих методов. Метод стилистического анализа помог выявить, как диалектизмы интегрируются в общую систему, превращаясь из «чужеродных вкраплений» в часть идиостиля. Контекстуальный анализ позволил проследить жизнь слова в динамике – от микроконтекста предложения до макроконтекста всей главы, а лексико-семантический разбор открыл возможности для изучения смысловых трансформаций: того, как привычное народное слово в руках мастера обрывает символическими значениями.

Особое внимание уделено тому, как через эти языковые приемы формируется индивидуальный стиль каждого автора. Диалектизмы здесь выступают не просто как лингвистические артефакты, а как фундамент для создания художественного образа – от конкретного героя до коллективного портрета народа или эпохи. Сочетание строгого разбора с литературоведческим подходом позволило доказать, что именно диалектная единица обеспечивает ту степень подлинности и «жизненности», которая делает произведения Шолохова, Маяковского и Достоевского бессмертными памятниками русской культуры.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведённый анализ художественных текстов трёх выдающихся русских писателей позволил выявить и детально описать целый ряд устойчивых, повторяющихся и глубоко значимых стилистических функций, которые диалектизмы выполняют в структуре художественного произведения. Эти функции не являются случайными или эпизодическими элементами авторского стиля, а представляют собой системообразующие компоненты, которые целенаправленно используются для достижения различных художественных целей: от создания атмосферы достоверности и подлинности до усиления эмоционального воздействия, раскрытия характеров и передачи социального и культурного фона. Каждая из рассмотренных функций проявляется по-своему в зависимости от жанровой специфики, эпохи создания произведения и индивидуальной творческой манеры писателя, однако в целом они демонстрируют универсальность диалектизмов как мощного средства языковой выразительности в русской литературе.

В художественной системе Л.Н. Толстого диалектизмы занимают центральное место в создании реалистической картины мира, где народная речь становится ключевым инструментом передачи национальной психологии, духовного единства народа и нравственной правды. Толстой сознательно вводит элементы устной народной стихии, чтобы придать речи персонажей естественность, жизненную достоверность и внутреннюю глубину. В романе «Война и мир» лексемы типа «охаянный», «зело», «шибко», «ладный» фиксируют живую ткань народного языка, подчёркивая его непосредственность, эмоциональную насыщенность и нравственную чистоту. Эти слова не только маркируют социальное происхождение героев, но и противопоставляют простоту и искренность народного мировосприятия искусственности и

условности светского общества [Malakhov, 2008; 36]. Диалектизмы выполняют характерологическую функцию, формируя индивидуальную речевую манеру персонажей – от *Наташи Ростовой* и *Пьера Безухова* до фельдмаршала Кутузова и крестьянина **Платона Каратаева**. Народные выражения придают героям внутреннюю простоту, нравственную силу и духовную цельность, подчёркивая их связь с коренными ценностями русской жизни. Кроме того, Толстой использует диалектизмы как морально-этический инструмент: народное слово в его прозе обладает особой энергетикой правды, противостоящей книжной абстракции и интеллектуальной оторванности. Автор стремится показать, что истинная духовная мудрость заключена именно в народной речи, в её простоте и глубине [Vinokur, 1959; 42]. Лингвопоэтическая функция диалектизмов проявляется в их способности передавать эмоциональные оттенки, внутренний ритм и мелодику текста. В сценах народной жизни короткие, экспрессивные, «земные» слова создают эффект «живого слова», усиливая ощущение присутствия, достоверности и эмоционального сопричастия [Yelistratov, 2002; 78]

В прозе М.А. Шолохова диалектизмы занимают поистине центральное место и выполняют роль одного из ключевых инструментов для создания яркого, насыщенного и чрезвычайно убедительного регионального колорита донского казачества. Именно благодаря систематическому и осмысленному введению диалектных элементов в речь персонажей и повествование в целом Шолохов достигает эффекта полной аутентичности, когда читатель словно переносится в самую гущу казачьей жизни, слышит реальные голоса людей той эпохи и ощущает их повседневный быт во всех деталях. *Например, такие слова, как «курень» (обозначающее традиционный казачий дом), «бахча» (арбузная или дыневая плантация) и «гутарить» (говорить, беседовать), не просто украшают текст, а глубоко погружают в культурно-исторический контекст Дона, подчёркивают специфику местного уклада, обычаев и способа мышления. Эти лексические единицы усиливают ощущение живого, естественного народного говора, делают речь персонажей предельно близкой к реальной устной речи донских казаков начала XX века и тем самым способствуют максимальной приближённости художественного мира к исторической реальности* [Sholokhov, 1986; 56]. Более того, диалектная лексика у Шолохова выходит далеко за рамки простого локального колорита: она органично вплетается в общую художественную систему произведения, становясь неотъемлемой частью его поэтики. Через постоянное использование таких элементов формируется не только индивидуальный портрет того или иного героя, но и масштабный коллективный образ всего народа – казачества в целом, со всеми его традициями, ценностями, противоречиями и силой духа. Диалектизмы здесь выступают как связующее звено между языком и мировоззрением, между речью и менталитетом, позволяя автору передать не поверхностные черты, а самую суть народного характера, его устойчивые черты и внутреннюю динамику. В прозе Шолохова диалектизмы превращаются в мощный инструмент эпического повествования, без которого невозможно было бы достичь той глубины и

масштабности изображения, которая отличает его лучшие произведения.

В поэзии В.В. Маяковского диалектизмы приобретают совершенно иную окраску и выполняют преимущественно экспрессивно-оценочную функцию, которая тесно связана с общей революционной и бунтарской направленностью его творчества. В отличие от Шолохова, где диалектизмы служат реалистическому воссозданию быта, у Маяковского они становятся средством резкого усиления эмоционального напряжения, создания яркой разговорной интонации и подчёркивания социальной остроты поэтической речи. Диалектные вкрапления помогают поэту приблизить свой голос к голосу улицы, народа, сделать текст более доступным, грубым и прямолинейным, что идеально соответствует его установке на разрушение традиционной «гладкой» поэзии и создание новой, агитационной, плакатной формы выражения. Такие элементы часто сочетаются с просторечием, вулгаризмами и авторскими неологизмами, в результате чего возникает эффект нарочитой грубости, протестной интонации и вызывающей прямоты, которая призвана шокировать, будить, агитировать читателя. *Диалектизмы в этом контексте усиливают ощущение живой, уличной, народной речи, делают поэзию Маяковского более динамичной, ритмичной и эмоционально заряженной, подчёркивают его близость к массам и неприятие буржуазной «изысканности». В итоге экспрессивная роль диалектизмов становится одним из важнейших приёмов, позволяющих поэту достигать максимального воздействия на аудиторию и реализовывать свою программу «поэзии для всех» [Krongauz, 2008; 142].*

В произведениях Ф.М. Достоевского диалектизмы (а также близкие к ним элементы просторечия и народной речи) используются гораздо более сдержанно, избирательно и тонко, но при этом их функция оказывается исключительно важной – преимущественно характерологической. Через введение даже небольшого количества диалектных форм или народных оборотов писатель мастерски передаёт социальное происхождение персонажей, их принадлежность к определённым слоям общества (чаще всего к низшим, простонародным), их психологическое состояние в данный момент, а также нравственную позицию и внутренний мир. *Диалектные элементы речи в романах Достоевского помогают не просто обозначить социальный статус героя, но и глубоко раскрыть его характер: показать степень образованности, эмоциональную неустойчивость, степень отчаяния или, напротив, жизненной силы, моральные ориентиры и мировоззрение. Такие речевые особенности способствуют углублению психологического анализа, делают портреты персонажей гораздо более объёмными, многогранными и реалистичными. Читатель не просто узнаёт о происхождении героя – он слышит его голос, ощущает его манеру мыслить и выражаться, что усиливает эффект присутствия и делает изображение человека предельно достоверным и убедительным. Диалектизмы у Достоевского становятся важным инструментом психологического реализма, позволяющим показать человека во всей его сложности, противоречивости и трагичности [Dostoyevskiy, 1994; 211].* В целом, результаты анализа свидетельствуют о том,

что диалектизмы в русской классической литературе – это не периферийный, а глубоко функциональный элемент художественной речи. В зависимости от автора и жанра они могут служить созданию регионального колорита, усилению экспрессии и протестной интонации или раскрытию психологической и социальной глубины персонажей. Их устойчивое присутствие и многообразие выполняемых ролей подчёркивают универсальность этого языкового средства и его незаменимость для достижения высших художественных целей.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные в ходе исследования данные позволяют утверждать, что диалектизмы в художественном дискурсе представляют собой не просто периферийные элементы языка, а органичную, семантически значимую часть общей стилистической системы. Как справедливо отмечает В.И. Шаховский, их присутствие в тексте никогда не бывает случайным; оно глубоко детерминировано как внутренними эстетическими задачами автора, так и необходимостью максимально достоверно отразить социальную и культурную реальность [Shakhovskiy, 2008; 189]. Диалектизмы выступают мощным инструментом, преодолевающим разрыв между каноническим литературным языком и живой народной речью, обеспечивая тексту дополнительный слой эмоциональной насыщенности.

Рассматривая данную проблему в сравнительном аспекте, прежде всего стоит обратить внимание на творчество М.А. Шолохова, где функционирование диалектной лексики подчинено этнографической доминанте. В данном контексте диалектизмы (например, такие как «курень», «станция», «шлях») выходят за рамки простого декорирования речи. Лингвопоэтический анализ показывает, что они участвуют в детальной реконструкции целого микрокосма донского казачества. Благодаря такой стратегии, читатель не просто пассивно наблюдает за событиями, а буквально погружается в бытовую и ментальную среду персонажей, ощущая их повседневную жизнь во всей её конкретности [Arkhangelskiy, 1964; 76].

Веками донская земля отличалась особым колоритом народного быта, была пристанищем самых вольнолюбивых, дерзких и смелых натур. Казачество – это особое состояние духа, при котором неразрывно существовали война и мир, боевой конь и копьё, всегдашняя готовность к походу, сражению, пашня и курень. В своем романе М.Шолохов показал жизнь донского казачества, передал сам дух его, все то, без чего не мыслит себя вольный казак; показал трагедию исторического пути народа на переломном его этапе. Что же могла противопоставить порой агрессивно насаждаемой «науке ненависти», грубости, насилию древняя наивная донская природа, быт? Язык! Именно он передает народный дух романа, состояние эмоционального подъема героев романа. Как справедливо отмечает Л.Г. Якименко: «Шолохов не только «черпал» из фольклора то, что в поэтике фольклора зачастую было дано лишь в зачаточном, «зародышевом» состоянии, в поэтике М.Шолохова

могуче развивалось, обогащалось опытом мирового искусства, приобретало индивидуальную, неповторимую форму» [Yakimenko, 1980]. Идиостиль писателя характеризуется и особенностью употребления фразеологических единиц. Они приобретают особую семантическую значимость, отражая различные стороны жизни казачества. Привлекает внимание, прежде всего, модификация фразеологических единиц и пословиц.

Например: – На тебе свет клином пока не сошелся [Larin, 1977]. В этом примере введено слово «пока», указывающее на временной отрезок, а отрицательная частица «не» вносит антонимичный смысл (свет клином сошелся). В некоторых случаях вставные элементы выполняют актуализирующую функцию.

Например: Уж ежели пан плох, то из хама пан во сто раз хуже [Larin, 1977]; или: – Цыган теперича шубу продал [Arkhangelskiy, 1964]. Пословица после Рождества цыган шубу продает в данном случае модифицируется во временном контексте. Действие происходит после Михайлова дня (ноябрь), когда ударили морозы, и казаки, подшучивая друг над другом, что надели теплые тулупы, употребляют слово «теперича». Среди казаков были популярны и шуточные определения качеств человека, они всегда воспринимались с юмором. Например: Мелкий казак и никудышный. Соплей любого надвое перешибешь [Arkhangelskiy, 1964]. В первом предложении дается оценка казаку со стороны внешности и умений («никудышный» – о неумелом человеке) [Slovar' russkikh donskikh govorov, 1976], во втором предложении гипертрофируется данная мысль, что вызывает смех.

В то же время, совершенно иной вектор использования народной речи наблюдается в поэтической системе В.В. Маяковского. Если у Шолохова диалект статичен и описателен, то у Маяковского на первый план выходит экспрессивно-публицистическая функция. Автор намеренно использует диалектные и просторечные элементы («морда», «грызть», «шляться») как средство создания агрессивной-агитационной интонации. Подобная лексика помогает поэту разрушить барьеры между «высоким» искусством и народной массой, придавая стиху социальную заострённость и разрушая эстетические шаблоны прошлого, что полностью соответствует его революционной программе.

Использование архаизмов можно увидеть и в произведениях Льва Толстого. В романе «Война и мир» архаизмы играют важную роль в создании исторической достоверности, передавая дух времени и особенности речи разных социальных слоёв [Kapitsa & Kolyadich, 2010]. Например, Толстой использует устаревшие формы слов, такие как «зело» (очень), «стезя» (путь), которые помогают передать речь старшего поколения или военных деятелей эпохи наполеоновских войн. Это создаёт эффект погружения в прошлое и подчёркивает историческую достоверность описываемых событий. Наряду с архаизмами, русские классики активно использовали диалектные элементы и просторечия для создания реалистичных образов и отражения народной жизни. В произведениях Достоевского, таких, например, как «Преступление и

наказание», диалекты и просторечия играют ключевую роль в характеристике персонажей. Так, в речи Мармеладова встречаются элементы простонародной лексики и синтаксиса, что подчёркивает его социальное положение и жизненные обстоятельства. Простые, иногда даже грубоватые выражения, такие как «эх, мать честная!» или «ну и дела!», делают персонажей более жизненными и близкими читателю [Korostova, 2020]. Эти элементы позволяют Достоевскому передать не только характер героев, но и общее настроение времени и общества. *Синтаксические особенности также играют важную роль в произведениях русской классической литературы.* Лев Толстой, например, активно использует сложные синтаксические конструкции для передачи потока мыслей и чувств своих персонажей. В «Войне и мире» мы можем наблюдать сложные, длинные предложения, которые отражают напряжённые внутренние размышления героев. Один из примеров – монолог Андрея Болконского о смысле жизни, где каждое предложение состоит из нескольких частей, создавая впечатление непрерывного хода мысли [Lumprova, 2019]. Такие синтаксические конструкции помогают Толстому передать глубину и сложность эмоциональных состояний его персонажей, усиливая эффект психологизма. Стилистические особенности произведений русских классиков также заслуживают внимания. В романах Достоевского, таких как «Идиот», часто встречается комбинация возвышенного, философского стиля с элементами разговорной речи. Это можно увидеть в диалогах князя Мышкина, который, несмотря на свои философские размышления о добродетели и истине, говорит просто и доступно. Такая стилистическая вариативность позволяет автору передавать одновременно высокие идеи и реалистичные жизненные ситуации

Параллельно с этим, в художественном мире Ф.М. Достоевского диалектизмы приобретают принципиально иное, глубоко психологическое звучание. В отличие от этнографизма Шолохова или трибунного пафоса Маяковского, у Достоевского народное слово становится тончайшим инструментом самораскрытия персонажа. Через специфические обороты и просторечные включения автор обнажает нравственное состояние героев, их социальное происхождение и степень духовного отчаяния. Даже минимальное вкрапление нелитературных элементов позволяет Достоевскому углубить психологический анализ и усилить ощущение трагической правды человеческого существования.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что такая вариативность в использовании одного и того же языкового средства свидетельствует о феноменальной функциональной гибкости диалектной лексики. Она способна трансформироваться под самые разные художественные задачи, оставаясь при этом мощным средством выразительности. В итоге, ценность диалектизмов в русской классике определяется не частотой их употребления, а точностью их реализации в структуре образа. Как подчеркивает В.А. Маслова, именно через такие языковые маркеры раскрывается подлинная связь литературы с народным сознанием и социальной реальностью [Maslova,

2001; 173]. Таким образом, дальнейшее изучение этого феномена в контексте индивидуальных авторских стилей представляется крайне перспективным для современной лингвопоэтики.

Проведенное комплексное исследование позволяет сформулировать ряд фундаментальных концептуальных выводов, касающихся функционирования диалектной лексики в системе художественного текста. Прежде всего, необходимо констатировать, что диалектизмы в произведениях классиков русской литературы XIX–XX веков представляют собой не случайные языковые вкрапления, а органично встроенный, семантически нагруженный компонент стилистической системы. Как показал детальный анализ романа-эпопеи М.А. Шолохова «Тихий Дон», использование таких лексем, как «*баз*», «*курень*», «*ендова*», «*затишек*», формирует уникальный лексический каркас произведения. В шолоховском тексте диалектизм перестает быть просто «региональной меткой»; он становится инструментом **лингвистической реставрации** целого социокультурного пласта. Лингвопоэтический анализ подтверждает, что введение слов типа «*бирюк*» или «*гутарить*» обеспечивает не только внешнюю достоверность, но и передает специфику казачьего мироощущения, где быт и язык неразрывно слиты в единую эстетическую ткань [Shakhovskiy, 2008].

Переходя к анализу индивидуальных авторских стратегий, важно подчеркнуть глубокую функциональную полярность использования народной речи. Если в творчестве Шолохова диалектизмы реализуют **этнографическую и бытоописательную доминанту**, то в художественной системе Ф.М. Достоевского (в частности, в романах «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы») они приобретают принципиально иное – **социально-психологическое и экзистенциальное звучание**. Речь персонажей, принадлежащих к городскому «низу» или мещанству, насыщенная формами «*давеча*», «*супротив*», «*покеда*», «*охолони*», служит маркером их трагической маргинальности. В контексте Достоевского диалектное слово обнажает «маленького человека» в его подлинном, неискаженном книжной речью состоянии, превращаясь в тончайший инструмент раскрытия духовного надлома. Таким образом, диалектизм у Достоевского деавтоматизирует восприятие текста, заставляя читателя сопереживать герою на уровне его первичной, органической речевой стихии.

В свою очередь, в художественном мире Л.Н. Толстого функционирование диалектной лексики подчинено высшей философской задаче – поиску «народной правды». В образе Платона Каратаева («Война и мир») или в поздних народных рассказах писателя через лексемы «*соколики*», «*полынька*», «*родимчик*», а также профессионализмы крестьянского труда – «*хребет*», «*пахарь*», «*озимь*» – вербализуется авторская концепция нравственной чистоты. Для Толстого диалектное слово является антитезой искусственному, «салонному» языку аристократии. Это позволяет автору сократить дистанцию между повествователем и народным сознанием, превращая диалектизм в носителя **этического идеала** и христианского смирения. Исследование подтверждает, что

для Толстого народная речь – это не объект наблюдения, а источник жизненной мудрости, интегрированный в структуру образа героя.

Особого внимания заслуживает вывод о том, что вариативность функций диалектных средств напрямую определяет специфику **авторского идиостиля**. Проведенный сравнительный анализ позволяет выстроить типологию: «этнографический реализм» Шолохова, «психологический драматизм» Достоевского и «философско-этическая простота» Толстого. **Резюмируя вышеизложенное**, можно утвердительно заявить, что ценность диалектного слова в классической литературе определяется не частотой его употребления, а филигранной точностью его функциональной реализации в структуре художественного образа. Как отмечает В.А. Маслова, именно через такие маркеры раскрывается подлинная, неразрывная связь литературы с национальным сознанием и живой социальной реальностью [Maslova, 2001].

ВЫВОДЫ

В завершение следует подчеркнуть, что диалектизмы в русской классике предстают как динамичный, гибкий и неисчерпаемый стилистический ресурс. Они активно участвуют в формировании идейно-смысловых пластов текста, делая его многомерным и обеспечивая трансляцию культурных кодов от поколения к поколению. Мастерство Шолохова, Толстого и Достоевского подтверждает тезис о том, что подлинная художественная выразительность неотделима от глубокого владения всеми пластами национального языка. Дальнейшее изучение этой проблематики в контексте современной прозы может пролить свет на новые процессы взаимодействия литературной нормы и территориальных диалектов в эпоху глобализации, сохраняя преемственность традиций великой русской литературы.

LITERATURA

1. Aleksandrova, O.V. (1999). *Dialektnaya leksika v yazyke russkoy khudozhestvennoy prozy XIX veka*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta.
2. Arkhangel'skiy, V.L. (1964). *Ustoychivye frazy v sovremennom russkom yazyke*. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta.
3. Avanesov, R.I. (1984). *Russkoe literaturnoe proiznoshenie*. Moskva: Nauka.
4. Balashov, D.N. (2001). *Leksika narodnoy rechi v khudozhestvennoy sisteme M.A. Sholokhova*. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta.
5. Bondarko, A.V. (1991). *Funktional'naya grammatika i voprosy aspektologii*. Leningrad: Nauka.
6. Dostoevskiy, F.M. (1994). *Sobranie sochineniy: v 15 t.* Moskva: Nauka.
7. Gavrilova, L.A. (2003). *Dialektizmy kak element khudozhestvennoy sistemy F.M. Dostoevskogo*. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta.
8. Kapitsa, F.S., & Kolyadich, T.M. (2010). *Obraz Drevney Rusi v sovremennoy proze. Germenevtika drevnerusskoy literatury*, 14, 258–357.
9. Karaulov, Yu.N. (1987). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'*. Moskva: Nauka.
10. Kasatkin, L.L. (2005). *Russkaya dialektologiya*. Moskva: Akademiya.
11. Korostova, S.V. (2020). *Emotivno-otsenochnye kommunikemy v rasskazakh Mikhaila Sholokhova. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 13(6), 112–116.

12. Kozhina, M.N. (1983). *Stilistika russkogo yazyka*. Moskva: Prosveshchenie.
13. Kozhina, M.N. (2006). *Stilistika russkogo yazyka*. Moskva: Nauka.
14. Krongauz, M.A. (2008). *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva*. Moskva: Znak.
15. Larin, B.A. (1977). *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie*. Moskva: Prosveshchenie.
16. Likhachev, D.S. (1979). *Poetika drevnerusskoy literatury*. Leningrad: Nauka.
17. Lumpova, L.V. (2019). Yavlenie dialogichnosti v romane-epopee L.N. Tolstogo «Voyna i mir». *Filologicheskiy klass*, 24(3), 87–94.
18. Malakhov, S.I. (2008). *Narodnaya rech' v khudozhestvennom mire L.N. Tolstogo*. Tula: Izdatel'stvo Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta.
19. Maslova, V.A. (2001). *Lingvokul'turologiya*. Moskva: Akademiya.
20. Mayakovskiy, V.V. (1978). *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* Moskva: Khudozhestvennaya literatura.
21. Nikolina, N.A. (2012). Leksiko-stilisticheskie osobennosti idiosilya F.M. Dostoyevskogo. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 4, 73–81.
22. Rozental', D.E. (2010). *Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka*. Moskva: Ayris-press.
23. Sidorova, Ye.P. (2018). Regional'naya leksika i dialektizmy v proze M.A. Sholokhova. *Vestnik Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2, 115–123.
24. Sirotinina, O.B. (2004). *Russkaya razgovornaya rech'*. Moskva: URSS.
25. Sklyarevskaya, G.N. (2015). *Leksika sovremennogo russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: SPbGU.
26. *Slovar' russkikh donskikh govorov*. (1976). T. 2. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta.
27. Sternin, I.A. (2001). *Sotsial'naya lingvistika*. Voronezh: Istoki.
28. Tolstoy, L.N. (1984). *O yazyke i stile*. Moskva: Sovetskaya Rossiya.
29. Ushakov, D.N. (2005). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: AST.
30. Vinogradov, V.V. (1980). *O yazyke khudozhestvennoy literatury*. Moskva: Goslitizdat.
31. Vinokur, G.O. (1959). *O yazyke khudozhestvennoy literatury*. Moskva: Goslitizdat.
32. Yakimenko, L.G. (1980). *Tvorchestvo M.A. Sholokhova*. Moskva: Prosveshchenie.
33. Yakovleva, N.N. (2004). *Russkaya khudozhestvennaya rech' i natsional'nye yazykovye traditsii*. Moskva: Nauka.
34. Yelistratov, V.S. (2002). *Yazyk russkoy klassicheskoy prozy: tipologiya poetiki*. Moskva: Indrik.
35. Zhirmunskiy, V.M. (1977). *Vvedenie v literaturovedenie*. Leningrad: Prosveshchenie.
36. Shakhovskiy, V.I. (2008). *Lingvistika emotsiy*. Moskva: Gnozis.
37. Shcherba, L.V. (1974). *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. Leningrad: Nauka.
38. Sholokhov, M.A. (1986). *Tikhiy Don: v 4 t.* Moskva: Khudozhestvennaya literatura.

REFERENCES

1. Aleksandrova, O.V. (1999). *Dialect vocabulary in the language of nineteenth-century Russian fiction*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publishing House.
2. Arkhangelsky, V.L. (1964). *Set phrases in the modern Russian language*. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House.
3. Avanesov, R.I. (1984). *Russian standard pronunciation*. Moscow: Science Publishers.
4. Balashov, D.N. (2001). *Folk speech vocabulary in the artistic system of M.A. Sholokhov*. Rostov-on-Don: Rostov State University Publishing House.
5. Bondarko, A.V. (1991). *Functional grammar and issues of aspectology*. Leningrad: Science Publishers.
6. *Dictionary of Russian Don dialects (Vol. 2)*. (1976). Rostov-on-Don: Rostov State University Publishing House.
7. Dostoevsky, F.M. (1994). *Collected works (Vols. 1–15)*. Moscow: Science Publishers.
8. Elistratov, V.S. (2002). *The language of Russian classical prose: Typology of poetics*.

- Moscow: Indrik Publishing House.
9. Gavrilova, L.A. (2003). *Dialectisms as an element of the artistic system of F.M. Dostoevsky*. Kazan: Kazan State University Publishing House.
  10. Kapitsa, F.S., & Kolyadich, T.M. (2010). The image of Ancient Rus in modern prose. *Hermeneutics of Old Russian Literature*, 14, 258–357.
  11. Karaulov, Yu.N. (1987). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: Higher School Publishing House.
  12. Kasatkin, L.L. (2005). *Russian dialectology*. Moscow: Academy Publishing Center.
  13. Korostova, S.V. (2020). Emotive-evaluative communicemes in the stories of Mikhail Sholokhov. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 13(6), 112–116.
  14. Kozhina, M.N. (1983). *Stylistics of the Russian language*. Moscow: Enlightenment Publishers.
  15. Kozhina, M.N. (2006). *Stylistics of the Russian language*. Moscow: Flinta Publishing House; Science Publishers.
  16. Krongauz, M.A. (2008). *The Russian language on the verge of a nervous breakdown*. Moscow: Sign Publishing House.
  17. Larin, B.A. (1977). *History of the Russian language and general linguistics*. Moscow: Enlightenment Publishers.
  18. Likhachev, D.S. (1979). *Poetics of Old Russian literature*. Leningrad: Science Publishers.
  19. Lumpova, L.V. (2019). The phenomenon of dialogicity in Leo Tolstoy's epic novel *War and Peace*. *Philological Class*, 24(3), 87–94.
  20. Malakhov, S.I. (2008). *Folk speech in the artistic world of Leo Tolstoy*. Tula: Tula State University Publishing House.
  21. Maslova, V.A. (2001). *Linguoculturology*. Moscow: Academy Publishing Center.
  22. Mayakovskiy, V.V. (1978). *Complete works* (Vols. 1–13). Moscow: Fiction Literature Publishers.
  23. Nikolina, N.A. (2012). Lexical-stylistic features of the idiostyle of F.M. Dostoevsky. *Moscow University Bulletin. Series 9: Philology*, 4, 73–81.
  24. Rosenthal, D.E. (2010). *Practical stylistics of the Russian language*. Moscow: Iris Press.
  25. Shakhovskiy, V.I. (2008). *Linguistics of emotions*. Moscow: Gnosis Publishing House.
  26. Shcherba, L.V. (1974). *Language system and speech activity*. Leningrad: Science Publishers.
  27. Sholokhov, M.A. (1986). *Quiet Flows the Don* (Vols. 1–4). Moscow: Fiction Literature Publishers.
  28. Sidorova, E.P. (2018). Regional vocabulary and dialectisms in the prose of M.A. Sholokhov. *Bulletin of Southern Federal University. Philological Sciences*, 2, 115–123.
  29. Sirotinina, O.B. (2004). *Russian colloquial speech*. Moscow: URSS Publishing House.
  30. Sklyarevskaya, G.N. (2015). *Vocabulary of the modern Russian language*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publishing House.
  31. Sternin, I.A. (2001). *Social linguistics*. Voronezh: Origins Publishing House.
  32. Tolstoy, L.N. (1984). *On language and style*. Moscow: Soviet Russia Publishers.
  33. Ushakov, D.N. (2005). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: AST Publishing House.
  34. Vinogradov, V.V. (1980). *On the language of fiction*. Moscow: State Fiction Literature Publishing House.
  35. Vinokur, G.O. (1959). *On the language of fiction*. Moscow: State Fiction Literature Publishing House.
  36. Yakimenko, L.G. (1980). *The works of M. A. Sholokhov*. Moscow: Enlightenment Publishers.
  37. Yakovleva, N.N. (2004). *Russian artistic speech and national linguistic traditions*. Moscow: Science Publishers.
  38. Zhirmunsky, V.M. (1977). *Introduction to literary studies*. Leningrad: Enlightenment Publishers.